

Александр Валентинович Амфитеатров

Деревенский гипнотизм

Александр Амфитеатров
Деревенский гипнотизм

«Public Domain»

1897

Амфитеатров А. В.

Деревенский гипнотизм / А. В. Амфитеатров — «Public Domain»,
1897

«Лето 188* года я провел на Оке, в имении Хомутовке, в гостях у приятеля-помещика. Звали его Василием Пантелеичем Мерезовым. Он был много старше меня годами и опытом. Когда-то предполагал иметь порядочное состояние. Но половина последнего погибла, потому что Мерезов не занимался хозяйством, а другая половина – потому что Мерезов стал заниматься хозяйством...»

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Александр Амфитеатров

Деревенский гипнотизм

I

Лето 188* года я провел на Оке, в имении Хомутовке, в гостях у приятеля-помещика. Звали его Василием Пантелеичем Мерезовым. Он был много старше меня годами и опытом. Когда-то предполагал иметь порядочное состояние. Но половина последнего погибла, потому что Мерезов не занимался хозяйством, а другая половина – потому что Мерезов стал заниматься хозяйством.

– Милый Саша, – говорил он мне, когда я умру, начертай над моей могилою: «Здесь покоится прах дворянина Мерезова, погибшего жертвою многопольной системы и усовершенствованного молочного хозяйства; он вышел невредим из лап парижских кокоток, но пал под бременем агрономических улучшений. О нем плачет Россия и фирма „Работник“, напрасно ожидающая уплаты за молотилку, веялку, три плуга латкинские и один Сакка. Прохожий! если ты кредитор, почти вздохом прах его и разорви свой исполнительный лист: описывать у Мерезова нечего».

Не имея средств жить в Москве, Мерезов безвыездно сидел в своем углу, спасенном для него от общего разгрома милейшим старичком-родственником, который с тем и купил на аукционе дом и клочок земли, чтобы предоставить их в пожизненное пользование Василию Пантелеичу. Угол был поистине медвежий. Я нашел Мерезова сильно одичалым и в хронически удрученном настроении какого-то мрачного шутовства.

– Как же ты, Василий Пантелеич, поживаешь? Что подельываешь?

– Обыкновенно, голубчик, что делают на дне колодца: захлебываюсь.

– Скучно?

– Гм... то-то и скверно, что не скучно.

Мерезов значительно посмотрел на меня и продолжал, приложив палец к носу:

– Царь Навуходносор не скучал в своей жизни ровно семь лет. Однако в эти семь лет он был не царем на престоле, но, в качестве убойной скотины, пасся на подножном корму.

Перестреляли мы с Василием Пантелеичем сотни две куликов, выудили сотню окуней. Да! здесь не скука – хуже: одурь.

– Давай, Вася, выпишем хоть «Русские ведомости».

– Зачем?

– Будем следить за Европой.

– Она! это – из Хомутовки-то?!

– Когда я уезжал из Москвы, Бисмарк ладил тройственный союз. Интересно, осуществится или нет?

– А тебе не все равно... в Хомутовке?!

Дом у Мерезова был огромный: мы терялись в нем как в пустыне. Ответшал он страшно. Полы тряслись и стонали под ногами; мыши, крысы; с потолков сыпалась штукатурка, обои облохматились, у половины дверей не хватало замков и скобок, – кем скраденных – Мерезов не доискивался.

– Весьма может быть, – объяснял он, – что мои министры в одну из безденежных полос, чтобы меня же накормить обедом.

Министрами Мерезов звал стряпку Федору, горничную Анюту и кучера Савку, – он же егерь, рассыльный, камердинер... чего хочешь, того просишь: молодец на все руки. Кроме их трех, при доме проживал, неизвестно по какому праву и на каком положении, «государствен-

ный совет»: две увечные старухи и три старика. Один величал себя садовником, хотя у Мерезова не было сада, другой – скотником, хотя из трех мерезовских коров ни одна не подпускала его к своему вымени, третий – сторожем, хотя, – говорил Мерезов:

– Кроме добродетели, и в рублище почтенной, у нас сторожить нечего!..

Все три старца хорошо помнили, как через Хомутовку везли в Москву из Таганрога тело императора Александра Павловича. Старухи были еще любопытнее. Хромая Ульяна уверяла, будто она выкормила и вынянчила Мерезова, который, однако, отлично помнил, что няньку его звали Василисою, а кормилицы у него не было вовсе. Лизавета, неизлечимо скрюченная мышечным ревматизмом, не приписывала себе никаких чинов, но просто заявляла:

– Не околевать же мне, больному человеку, под забором: не пес я.

– Желал бы я знать, – недоумевал Мерезов, – чем кормится эта босая команда? Я не даю им ни денег, ни пайка. Враны с небеси хлебов им не носят. Тем не менее старики не мрут, скрипят и даже, по-видимому, сыты, потому что не бегут со двора, и наемни скотник Антип выражался весьма презрительно о дармоедах, которые побираются под окном... Кстати: есть у тебя рубль? Дай мне, потому что по двору шествует Федора, и я предчувствую, что у нее опять черви съели говядину.

Министры Мерезова вели себя конституционно до отчаяния. Пороку мы почти недоумевали: кто у кого служит – они у нас или мы у них? Барина любили, были ему преданы, но в грош не ставили его приказаний, вольничали, фамильярничали. Мерезов примирялся с этою распушенностью очень хладнокровно:

– Делать выговоры Савке бесполезно, ибо он по натуре коммунар, а по привычкам бродяга. Вступать в прения с Федорою еще бесполезнее, ибо она – Дионисий, тиран сиракузский. Анютка же имеет слабость мнить себя подругою моей холостой жизни, и я не смею поражать ее чувствительное сердце жестокими словами. Тем более что на каждое мое слово у нее двадцать своих, и потом она ходит по трое суток с физиономией надутую, как воздушный шар.

Анютка страдала манией уборки комнат: она с утра до вечера топотала по дому босыми ногами, носясь, как ураган, с веником и мокрою тряпкою, – и все-таки всюду оставалось грязно и сорно.

– *Ut desint vires, tarnen est laudanta voluntas!*¹ – одобрял Мерезов.

Я решительно не мог взять в толк его любовного приключения с этою девицею, правда, статною и, должно быть, до оспы недурною с лица, но теперь рябою, как решето. На высказанное мною однажды недоумение Мерезов возразил довольно мрачно:

– Ты пьешь водку?

– Прежде не пил: здесь у тебя научился.

– Ага! А между тем теперь лето. Запереть бы тебя в Хомутовке на зиму, когда сугробы нарастают вровень с окнами и волки приходят к воротам петь Лазаря... понял бы и не такое!

Несчастьем Анюткиной жизни были юбки, обладавшие волшебным свойством сползать с бедер своей злополучной владелицы как раз в самые ответственные моменты ее служебной деятельности. Подает Анютка обед, – предательница-юбка уже расстегнулась и лезет вниз. Анютка взволнованно дергает локтями, в тщетном старании привести в порядок свои одежды. Котелок со щами катится по полу. Мерезов оптимистически замечает:

– Хорошо, что у меня описали столовый сервиз, и это не фаянсовая ваза.

Кухню деспотически управляла стряпка Федора, из солдатских вдов, – «мирской человек», румяная баба, еще молодая, но чудовищной толстоты; Мерезов звал ее «вторым спутником земли в своей собственной атмосфере». От Федоры на пять шагов пыхало жаром кухонной печи. Когда в духе, – хохотуха и скромница, под сердитую руку – брех. Почти каждое утро она делала нашествие к нашему чайному столу и звонко орала:

¹ Пусть не хватает сил, но желание все же похвально (лат.).

– Пожалуйте денег!

– Федора, – морщился Мерезов, – когда придет доктор, я попрошу освидетельствовать тебя, не переодетый ли ты протодьякон.

Федора фыркала и вылетала бомбою за дверь, чтобы отхохотаться на свободе, но, по возвращении, настаивала:

– Денег пожалуйте. Говядины ни синь-пороха.

– Но еще нет недели, как Савка привез из города полтора пуда?

– А льду он привез ли? – азартно прикрикивала Федора. – Гляньте в погреб: одна вода. Говорила по зиме, чтобы поправить крышу, – не послушали. Нешто у нас – как у людей? А теперича, что покупай убоину, что нет, – одна корысть: червей кормить. Благодарите Бога, что Галактион привез нонче тушу с ярмонки из Спасского, не то насиделись бы голодом до городского базара. Пожалуйте денег.

– Спроси у Анютки. На днях я субсидировал ее пятью рублями.

– Когда это было? – отзывалась Анютка, – под Вознесенев день, а у нас завтра Троица. Да сами же, опомнясь, взяли у меня рупь семь гривен – продули доктору в стучолку.

– Анюта, ты меня убиваешь, хотя точная отчетность твоей кассы достойна уважения. Остается одно – совершить заем у дружественной державы. Саша, раскошеливайся.

Если у меня не было денег, Мерезов трагически восклицал:

– Министры! убирайтесь к черту! Государство – банкрот. Кормите вашего повелителя плодами собственной изобретательности.

Тогда Федора поднимала на ноги всех домочадцев: «государственный совет» *in corpore*² ползал в Оке, выдирая из береговых подмоин тощих раков; Анютка металась по двору, в крапиве, пытая сонных наседок, не снесла ли которая яйца, на наше счастье; сама Федора копала в огороде какие-то сомнительные корни и травы или, с подойником на плече, летела в стадо; а Савка являлся ко мне с ружьем и ягдташем.

– Гуляем, что ль, Лексан Лентинич? Приказывает Федора, чтобы беспрременно раздобыть ей к обеду болотного быка.

Калек сира Эдгарда Равенсвуда вряд ли равнялся Савке в находчивости, когда ему предстояла задача напитать как-нибудь и безденежных господ и себя. Однажды, в такую тощую пору, приводит он к обеду гостя, великовозрастного гимназиста из недалекой усадьбы. У Мерезова вытянулось лицо: чем мы накормим этакого парнищу? Я набросился на Савку:

– Ты с ума спятил?!

– Очень даже в уме, Лексан Лентинич. Потому, шагал я по болоту три часа, не вышагал ни бекаса, – вот оно, ружье: неразряженное. А навстречу – этот долгоногий, полон ягдташ. А мне наемни сказывал ихний кучер: очень, говорит, желательно нашему барчуку свести компанию с вашими господами. Я сию минуту картуз долой: ах, говорю, сударь! а я было правил к вам в усадьбу: Василь Пантелеич и Лексан Лентинич приказывали беспрременно звать вас к обеду. Он – на большом удовольствии – и высыпал мне, в презент, всю свою сумку полностью. Мне того и надо. Я – дичь в ягдташ да к Федоре.

Мерезов был мастер на карточные фокусы. Савка это знал. Заночевал у нас молодой гуртовщик, проезжий в губернию. Перед ужином уселись играть в рамс. Савка нет-нет заглянет в двери и все делает мне знаки. Я вышел:

– Что надо?

Савка зашептал:

– Вы скажите барину, чтобы того... не робел...

Он показал рукою, как делают вольты.

² В полном составе (лат.).

– Парень слепыш и ослица двукопытая: ничего не заметит. А денег с него грести можно сколько угодно.

Когда я крепко обругал Савку за его проекты, он не понял – за что? Он своим господам желает добра, и ему же достается!

Мерезов определял этого хитроумца то цитатой из «Сорочинской ярмарки»: «на лице его читались способности великие, но которым на земле одна награда – виселица», то некра-совскими стишками:

Гитарист и соблазнитель
Деревенских дур.
Он же тайный похититель
Индюков и кур.

– Ты бы, Савка, хоть с нами делился, – зубоскалил Мерезов. – Знаешь, Саша: этот ферт заполонил всех баб на деревне.

– Уж и всех! – самодовольно огрызался Савка, – куда мне их столько, добра такого?

– Глаза у тебя завидушие.

– Ничего не завидушие: я отобрал себе только какие с лица получше, а рябых – всех, как есть, вам оставил.

– Хвастунишка ты, Савка.

– Быль молодцу не в укор, Василь Пантелеич.

– Забыл, видно, как проучила тебя Галактионова Левантина? Представь, Александр: девка, обидевшись Савкиным ухаживаньем, пожаловалась братьям, а те залучили нашего Дон-Жуана к себе во двор, сняли с него одежду да и прогнали его через всю деревню до самой усадьбы вожжами по голому телу.

– Нашли кого поминать – Левантину! – равнодушно возражал Савка. – Левантина – разве девка? Идол; прямо сказать, статуя, стоерос бесчувственный. Пока ее из дуба обтесали, десять топоров сломано.

– Слыхал ли ты, Савка, про лисицу и зеленый виноград?

– Слыхивал. Насчет винограду кому-нибудь ровно бы надо погодить дразниться. К Левантине примазывались иные и почище нас, одначе и им пиковый антирес указан.

– Молчи, животное!

Из соседей-дворян Мерезов ни с кем не знался.

– Что за радость, – объяснял он, – смотреть на оскуделую голь? Кругом на сто верст ни одного порядочного землевладельца. Нищие с кокардами. Мне надоела и своя нищета – до чужой ли?

– Неужели не найдется интересных живых людей?

– То есть образованных, что ли? Вероятно, есть. Да мне-то что в них? Я сам образованный.

– Все же... общение мыслей, интересов...

– Это у нищих-то?! – Мерезов качал головою – У нищих, друг, не общение, но разоб-щение интересов, потому что у каждого смотрит из глаз свой голод, каждый зарится на кусок соседа. А у образованных и совестливых прибавь к этому еще тяжелую подозрительность: ах, не заметил бы гость, сохрани Боже, что мы не принцы, но санкюлоты, что мы шеголяем не в парче, но в ситцевых лохмотьях... Тоска!.. Притом того гляди – женят. Невест в уезде несть числа, и за каждую приданого – частый гребень, да веник, да алтын денег, было бы с чем в баню сходить. Есть хорошенькие. В здешней скуке – долго ли до греха? Я человек чувственный, слабый. И не заметишь, как Исаяя возликует.

– Но почему бы тебе, в самом деле, не жениться?

– На ком? на образованной нищей – с попури из «Цыганского барона», с платьями по модам из «Нивы», с восторгами к господину Бурже в русском переводе, с мигренью, истериками, с еженедельными поездками в город к докторишкам и аптекаришкам? Покорнейше благодарю. Уж лучше, если приспичит жениться, я впрямь осчастливорю своею рукою и сердцем Галактионову Левантину, Анютку, Федору, любую девку с Хомутовки.

– Такая будет тебя бить, – засмеялся я.

– А я ее. По крайней мере, обоюдное удовольствие: род домашнего спорта. Образованная же нищая меня тоже побьет, – у нас в околотке все благородные супруги дерутся между собою, – а я не посмею побить ее. Ибо я воспитан в рыцарских преданиях, а она предполагается дамою, и всякое семейное безобразие извиняется ей по праву деликатной натуры, нежного воспитания, возвышенной души и расстроенных нервов. С Левантиною я хоть буду уверен, что, после какой угодно драки, мне все-таки сварят щи и что мои дети родятся без английской болезни. Ты только вообрази, какая пошлость – английская болезнь в русском захолустном ребенке! Очень может быть, что Левантина года через два после брака завопит, что я – распостылый и загубил ее, молодую; но она не будет требовать от меня, с ножом у горла, отдельного вида на жительство, а получив таковой, не потащит мою фамилию на подмостки столичного кафешантана. Тем не менее будем надеяться, что и сия брачная чаша, – то есть в образе Левантины, – меня минет!

Родитель этой Левантины – Галактион Комолый – держал в руках всю Хомутовку, посредничая между местными кустарями-токарями и губернскими скупщиками. В околотке звали его «купцом». Мы с Мерезовым часто ходили к Галактиону пить чай: он это любил – похвастать перед господами своей новою избою, с чистою горницею, под обоями, с царскими портретами по стенам и огромным киотом, полным темных ликов в серебряных венчиках, в красном углу. И самовар у Галактиона был господский – пузырем, красной меди, и чай – с цветочками, и ром – из губернии, а не от Федулки Пихры. Сам Галактион был еще кулаком-патриархом, на деревенский лад, но сыновья его, – их было четверо, – уже тянули к городу во всем: в платье, разговоре, в подборе компании, в манерах и взглядах. Деревню презирали, в мужике видели батрака, повинного работать в ихней кабале до конца дней своих, и глубоко огорчались, что старик Галактион, по старине, не хотел торговать ни землею, – грех, потому что Божья, ни водкою, – грех, потому что сатанинская. Все – словно ястреба: сухие, жилистые, остроносые, лица худые, скуластые, с красным подтенком, глаза серые, пристальные, быстрые. Силачи – на подбор. Старший, Виктор, играючись, взваливал на спину десятипудовый куль муки – и несет, бывало, через всю деревню к нам в усадьбу... добрых три четверти версты по косогору! Воображаю, как сладко пришлось Савке, когда эти парни приняли его в четыре вожжи. Молодых Комолых на деревне побаивались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.